

Вадим КУЛАКОВ

г. Орехово-Зуево

ПОПРЫГУНЯ

рассказ

В том году в декабре зима проснулась очень снежной и злой. Я учился в пятом классе и первый раз любил.

В школу я приезжал раньше всех: моя мама работала учительницей начальных классов и страшно, до покусанных губ, боялась куда-то опоздать. В семь утра, самое позднее — в семь двадцать, если мамина заледеневшая машина отказывалась сразу заводиться, мы приезжали в школу.

Нам открывал дверь разбуженный охранник. От него пахло чем-то алкогольным и ещё чесноком.

Мне казалось, что охранник влюблен в мою маму. Впрочем, так я думал про всех: про краснолицего усатого трудовика, который недавно похоронил жену и ходил в рваных джинсах, про худого и длинного физика-завуча, угрюмого биолога, по ночам тайком игравшего на пианино в актовом зале...

С Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й К О Н К У Р С Ж У Р Н А Л А « С Е В Е Р » 119 СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Охранник заботливо сметал лохматым венником снег с нашей обуви и всё рассказывал какой-то неясный анекдот про неловкого поручика, сам же и смеялся. В такие моменты я замечал, что у охранника не хватает передних зубов, а мама смотрела на него презрительно.

Вот мы с мамой проходим в широкий вестибюль. Щелкаем выключателем на стене. Сначала с десяток секунд едва-едва тускло горит лишь одна лампочка, от её свечения всё вокруг окрашивается в оттенки засохших мандариновых шкурок. Затем здание в один миг пробуждалось — резко, будто вдохнуло электрический свет. Горел пока только первый этаж, где работала мама, но по мере наполнения школы незаметно побежит цепная реакция.

Я взглянул в окно школьного коридора: за ним — живая, страшная и голодная тьма.

Пока мама открывала свой кабинет, ключ, казалось, лязгал в моём желудке. Потом — запах пыли, мела и ещё чего-то неясного...

Мама разложила на столе справочники, пособия, проверила, на месте ли нужные сегодня тетради. Она, конечно, хотела бы, чтобы я повторил домашнее задание, подчеркнул грамматические основы не выписанных предложений, что-нибудь заучил, пока есть время до звонка.

Но уже тогда я любил, какие там уроки... Мне требовалось одиночество. Полное одиночество, не разделенное ни с кем... Одиночество с легким присвистом снегов, но при этом желательно у батареи.

Со стен скучающие таблицы с рисованными безликими школьниками, все глухости — звонкости, сложения — вычитания и правила пожарной безопасности шептали мне: «Беги!.. Беги скорее на второй этаж, пока не пришла Валентина Михайловна!.. Пока не пришла Оленька! Пока не набегали глупые одноклассники, которые отказываются с тобой играть! Пока нет задира из седьмого класса, нет шума и суеты...»

И я со всех ног бежал туда, на спящий второй этаж. Точнее, сначала я несся до лестницы, оглядывался — никого. Поднимался по ступенькам и попутно мечтал об Оленьке.

Конечно, я любил маму. Каждый ребенок любит свою маму. Но во второй четверти — это случилось в понедельник, после урока литературы, — я понял, что люблю еще одного человека —

Оленьку. Она староста нашего класса и отличница. Нежное облачко светлых кудрей как мягкое свечение солнца, глаза — капельки.

Оленька приходила за пятнадцать минут до урока, и я ждал.

Итак, утро на втором этаже начиналось с меня. И теперь я прошёл в дальний угол коридора, забрался на подоконник, который ровно напротив нужного кабинета, и замер, глядя на танец сизой стихии, легонько постукивающей в окно.

Вот-вот придет Валентина Михайловна — начнется мое мучение.

Однажды на втором этаже я ждал маму с педсовета и расхаживал туда-сюда по коридору, представляя, как изменится школа во время конца света. Заметив моё бесцельное брожение, в этот момент ко мне подошел наш молодой физик-завуч и спросил: «Может, я могу чем-то тебе помочь?..»

Учителя знают, что я сын их коллеги, и любят подходить ко мне с глупыми вопросами.

Я ответил: «Отмените, пожалуйста, русский язык. Или поставьте его последним, чтобы я мог незаметно с него сбежать». Заметьте, я всегда честен с окружающими и предупреждаю их о своих будущих нарушениях. Завуч рассмеялся и ушел. Мне хотелось кинуть ему в спину ластик, кусок мела или камень, но не сделал ничего такого: все-таки меня хорошо воспитали...

Три дня в неделю в нашем классе уроки начинались с русского языка. Его, а еще литературу вела Валентина Михайловна — строгая женщина с глубокими морщинами на лице. Она почти всегда носила сильно выцветшее темно-оранжевое платье с розовыми георгинами.

Я безграмотный. И Валентина Михайловна регулярно жаловалась маме на мою успеваемость — примерно два раза в неделю. После этого, когда мы возвращались домой, мама брала отцов резиновый шлепанец сорок пятого размера и била меня. Мне было совсем не больно. Ну, разве только чуть-чуть. Я прекрасно понимал, что родители должны наказывать своих детей. Что поделывать, если за ум я брался только после такого! Мама не виновата.

Валентина Михайловна проработала в школе всю жизнь. Я не знаю, сколько ребят прошло через её руки, да и не сосчитал бы: с математикой у меня тоже проблемы. Но все учителя почтительно замирали в её присутствии.

Первый выпуск у Валентины Михайловны случился лет пятьдесят назад. Случайно я слышал от взрослых, что тогда она была беременна. Чтобы ребенок не помешал достойно проводить учеников, Валентина Михайловна сделала аборт. Вскоре повесился её муж. В предсмертной записке Валентина Михайловна нашла две грамматические ошибки и по привычке подчеркнула их красной пастой.

С подоконника я заметил, что Валентина Михайловна появилась в неосвещенном коридоре. Я затаился еще больше, и она, не заметив меня, прошла к кабинету, отперла его ключом, шагнула внутрь, оставив дверь открытой. Я видел, как Валентина Михайловна повесила на крючок желтевшую шубу. Она села на учительский стул и долго смотрела в одну точку на стене. Я знаю, что та стена зеленого цвета с белой заплаткой чуть левее центра. Затем Валентина Михайловна достала из ящика учительского стола тряпичную куклу. Должно быть, это игрушка из её детства? Она начала её укачивать, напевая:

*И уносят меня, и уносят меня
В звенящую снежную даль...*

Я по-прежнему наблюдал за ней из сумеречного коридора. И вдруг мне показалось, будто я слышу ответный детский всхлип. Померещилось? Неважно. Как только Валентина Михайловна убрала куклу обратно в ящик стола, я неслышно спрыгнул с подоконника и подошел к открытой двери, предупредительно постучал по ней. Валентина Михайловна перевела на меня взгляд, привычно проговорила: «Проходи. Чего встал? Сразу двойку за домашнее задание поставить или после урока?» После этого она погрузилась в проверку тетрадей, которые лежали у нее на столе...

Минуты бегут — до начала урока недолго. Постепенно коридор, кабинет оживают звуками. Вокруг уже зашумели другие дети. Почти все из них не любили меня, подшучивали. Мне, в общем-то, было на это все равно...

Оставались заветные пятнадцать минут до урока. Пятнадцать минут!

Вот в класс вошла Оленька, она направилась к своей парте, оставила там сумку и — к доске. Заскрипел мел: она выводила на доске сегодняшнюю дату.

Я ловил каждое ее движение и чувствовал, как колотится моё сердце.

Когда Оленька займет своё место, я, не отрываясь, буду смотреть все шесть уроков на её щечку, светленький локон, уголок плеча.

Оленьке выпала великая честь — играть Стрекозу в школьном спектакле. На уроке она так чудесно рассказала наизусть ту басню. Забыл, как там... Что-то про «лето пропела»... Валентина Михайловна, слушая Оленькино чтение, расплакалась, заплодировала. А потом даже передумала карать наш класс диктантом.

Валентина Михайловна любит Оленьку... Наверно, почти так же сильно, как я... Любит она её за прекрасный тонкий почерк, за белоснежно-нежную блузку, за чистую доску перед уроком, за желание стать учительницей русского языка и литературы...

Уже две недели шли репетиции будущего спектакля, и я не пропустил ни одной — наблюдал из своего угла.

Конечно, уроки я не делал, книг не читал. Да на что мне эти уроки и книги, когда Оленька рядом! В тонких колготочках и чешках она ответственно повторяла сценарий, потом бегала, смеялась со смелыми семиклассниками, которые крутились тут же.

Оленькин стрекозиный наряд искрился игрушечным серебром, он такой легкий, невесомый, что подрагивал на ней. А за окном — тяжелые сизые снега, угрюмо свистели ветра... Иногда я

смотрел на них и, кажется, слышал, как медленно, полусонно что-то бормотало время.

За неделю до постановки, это было утро, Валентина Михайловна, как обычно, вела урок. И вдруг сказала нам: «Я отлучусь. А вы пока сделайте разбор третьего предложения. Да-да, по таблице со страницы семь». Дальше случилось то, чего раньше никогда не бывало: она вышла из кабинета, оставив нас, пятikleшек, одних...

Потом мы узнали, что тело Валентины Михайловны нашли около учительской.

Родственников у неё не было, поэтому хоронили за счет школы, — это я понял из маминых разговоров. Личные вещи Валентины Михайловны, в том числе и куклу, почти сразу вынесли из ее кабинета как мусор. А в вестибюль на первом этаже притащили кривоватую парту из подсобки, на неё в рамке под стеклом поставили фотографию Валентины Михайловны, перечеркнутую траурной ленточкой. Каждый раз, когда кто-нибудь проходил мимо, парта покачивалась, — фотография с грохотом падала, по стеклу ползли трещины.

Через неделю, как и планировалось, состоялся спектакль, и Оленька играла Стрекозу. Он удался на славу. Пришло много людей. Оленька очень артистично читала басню, жестикулировала, тоненько пела, прыгала. Зрители ей аплодировали.

На улице мело.

□

Вадим КУЛАКОВ

родился в 2001 году.

Студент филологического факультета

Государственного гуманитарно-технического университета.

Пишет стихи, рассказы.

Участник семинара «Глубинка» (2023),

финалист фестиваля молодых поэтов «Мицыри» (2023),

вошёл в лонг-лист премии «Гипертекст»,

лауреат конкурса «Северная звезда» (2023)

в номинации «Проза».

В журнале «Север» публикуется впервые.

